

Одинокое материнство в России: оценка распространенности и анализ механизмов формирования¹

Захаров Сергей

к.э.н., заместитель директора, Институт демографии, Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Чурилова Елена

магистр социологии, аспирант, Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

РЕЗЮМЕ

Based on reliable sources of statistical information and its quantitative analysis, the authors address the following questions: what is the real prevalence of the phenomenon of single motherhood in Russia, taking into account different approaches to its definition, to what extent differ socio-demographic characteristics of women raising children in complete and incomplete families, what is the probability of transition for women with children from one partnership status to another, and in which direction has changed the average duration of parenting children in single-mother families.

The paper uses data from the population censuses, vital statistics of births over a long period of time, as well as data from two waves of a large sample survey "Parents and children, men and women in family and society," performed in the framework of the UNECE "Generations and Gender" comparative research programme of surveys.

Key words:

Single motherhood, maternal family, complete and incomplete family, marital and partner status, the probability of changing the partnership status, the duration of the socialization of children in a single-mother family, Russian Generation and Gender Survey (RusGGS)

Введение

Внимание российского общества и политиков к феномену одинокого материнства меняется волнообразно. Периоды обостренного отношения к данному явлению, характерные, в частности, для 1940-х – 1950-х годов (реакция на массовое сиротство и рост внебрачного материнства) и для 1970-х гг. (реакция на быстрый рост разводов), сменялись периодами забвения, что, в свою очередь, оттесняло изучение происходящих процессов на периферию исследовательских интересов. В настоящий момент мы переживаем очередной всплеск интереса, инициированный усилиями государства по проведению активной демографической политики, центральными элементами которой стали финансовые и пропагандистские

¹ В статье использованы результаты исследования «Формирование монородительских семей в послевоенных поколениях россиян: социально-демографический анализ», выполненного при поддержке Научного Фонда НИУ ВШЭ (Грант №11-01-0182).

меры по повышению рождаемости. Как и в прошлом, обсуждение причин низкой рождаемости и возможностей ее повышения не обошлось без напоминания о «кризисе семейных ценностей» [15], индикатором которого служит низкая стабильность брака, и констатации очевидного факта, что значительная часть детей появляется на свет и воспитывается в условиях, не вписывающихся в традиционные представления о «нормальной семье» [3, 4, 13].

В то же время российское информационное пространство для дискуссий на данную тему слабо структурировано в смысле категориальной определенности и крайне ограничено с точки зрения надежных источников данных. Преобладают исследования, проведенные методами качественной социологии [8, 9, 10, 12]. Главный пробел в информационном поле российского дискурса заключается в полном отсутствии представлений об одиноком материнстве как о динамическом состоянии для матерей и их детей. Слабо изучены механизмы формирования неполных семей с учетом структурных изменений, которые произошли в последние десятилетия.

В представленном исследовании авторы, опираясь на надежные источники статистической информации (текущий учет рождений, переписи населения, три волны выборочного исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе/РиДМиЖ», выполненного в 2004, 2007 и 2011 годах в рамках международного исследовательского проекта сравнительных исследований ЕЭК ООН «Generations and Gender Programme»²), пытаются ответить на следующие вопросы: какова реальная распространенность феномена одинокого материнства в России с учетом различных подходов к категоризации самого явления; в какой степени различаются социально-демографические характеристики женщин, воспитывающих детей в полных и неполных семьях; с какой вероятностью женщины с детьми переходят из одного брачно-партнерского состояния в другое; и в каком направлении менялась для ребенка средняя длительность социализации в неполной семье.

Распространенность явления.

На основе официальной статистической информации имеется возможность статистически оценить распространенность одинокого материнства в России, выделив три статистические совокупности женщин с детьми до 18 лет:

- «матери-одиночки», которые могут быть сертифицированы по факту рождения ребенка без официально признанного отцовства. На 2010-2011 гг. максимальная оценка их численности – около 3 млн., доля в общей численности матерей – не более 18%, доля детей в возрасте до 18 лет, воспитываемых данной категорией матерей, в общей численности населения моложе 18 лет – не более 15%. Данная совокупность имеет тенденцию к увеличению своей численности;

²В проекте участвуют более 30 стран мира. Подробнее о целях и задачах проекта, участниках, методологически подходах, инструментарии, базах данных и публикациях, см.: <http://www.unecce.org/ead/pau/ggp/Welcome.html>; <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>

- одинокие женщины с детьми до 18 лет, идентифицируемые на основе ответов, получаемых в ходе переписей населения, и свидетельствующие об отсутствии у них супруга на данный момент. В 2010 г. численность данной категории составляла 5 млн., их доля в общем числе семейных ячеек – 21% (в числе семейных ячеек без отцов-одиночек – 30%), доля детей в возрасте до 18 лет, воспитываемых данной категорией матерей, в общей численности детей до 18 лет, проживающих в семьях – 25,5%, в общей численности населения моложе 18 лет – 23,5%. Тенденция изменения размера данной категории не очевидна. В последнее десятилетие имело место сокращение ее абсолютной численности, но в то же время ее вклад в воспитание подрастающего поколения увеличился;

- одинокие женщины с детьми до 18 лет, представляющие нуклеарные неполные семьи (материнские семьи, локализованные отдельно от прочих родственников), идентифицируемые на основе ответов, получаемых при переписи населения, и свидетельствующие об отсутствии в данном домохозяйстве супруга и каких-либо других членов, кроме собственных детей. В 2010 г. данная категория составляла 2,1 млн., доля материнских семей с детьми до 18 лет в общем числе семей (частных домохозяйств) с детьми до 18 лет – 11,7%, доля детей до 18 лет, проживающих в нуклеарных материнских семьях в общем числе детей до 18 лет, проживающих в частных домохозяйствах – 10,4%, а в общей численности населения моложе 18 лет – 10,2%. В последнее десятилетие численность этой категории, после длительного роста, обнаружила тенденцию к быстрому сокращению, вследствие чего снизилась и доля детей, воспитываемых в нуклеарных материнских семьях.

Первые две статистические совокупности являются пересекающимися, но не взаимно поглощающими друг друга, поскольку группируются по различным основаниям. В первом случае основанием для попадания в совокупность будет официально подтвержденная декларация брачно-партнерского статуса женщины в момент регистрации новорожденного ребенка, во втором случае – не требующая документального подтверждения декларация брачно-партнерского статуса женщины, имеющей детей, в некоторый момент опроса (переписи, выборочные исследования). В первом случае очевидны правовые последствия для женщины и ее детей, во втором случае они отсутствуют. Непересекающуюся часть обеих совокупностей образуют женщины из первой совокупности, сменившие свой брачно-партнерский статус с момента регистрации ребенка до момента опроса (обрели супруга) или не заявлявшие о наличии отца ребенка с самого начала.

Третья совокупность представляет собой специфическую часть второй совокупности, всегда привлекающую к себе особое внимание политиков и исследователей, поскольку нуклеарные материнские семьи, в силу своей потенциальной изолированности от семейно-родственного окружения, объективно требует повышенного внимания как объект государственной поддержки.

Исследователи и политики, акцентируя свое внимание на феномене одинокого материнства, должны четко себе представлять, с какой категорией одиноких матерей они имеют дело, принимая во внимание размытость категориальных границ в сущностном и, тем более, в прикладном значении [3, 9, 12, 16]. Следует учитывать, что, в конечном итоге, определение «одинокой матери» основывается на самоидентификации женщины в тот или иной момент ее жизненного цикла.

Демографические и социально-экономические характеристики одиноких матерей

Первая волна РИДМЖ (2004) позволила проанализировать характеристики 665 женщин с детьми до 18 лет, декларировавших отсутствие на момент опроса факта совместного проживания с супругом/партнером и сравнить их с характеристиками матерей, воспитывающих детей того же возраста в полной семье (1793 женщины, состоящие в зарегистрированных и незарегистрированных союзах). Для одиноких женщин с детьми, как и для матерей с супругом/партнером, допускалось наличие прочих членов домохозяйства, проживающих в том же домохозяйстве. Доля матерей, воспитывающих несовершеннолетних детей без супруга, среди всех матерей с детьми того же возраста составила по нашей выборке 26,6%, что хорошо согласуется с данными российских переписей населения. Корреспондирует с данными переписей и выборочная доля детей до 18 лет, воспитываемых матерями этой категории, в общем числе детей до 18 лет – 24,9%.

Главный вывод из сравнительного анализа двух категорий матерей сводится к следующему: каких-либо принципиальных различий между матерями, воспитывающих детей в полной и неполной семье не обнаруживается. Важно отметить, что отсутствуют различия по таким ключевым параметрам, идентифицирующим социально-групповую принадлежность, как: уровень образования, продолжают ли образование в настоящий момент, родной язык, тип населенного пункта, в котором родились и проживают в настоящий момент, длительность проживания в России и в данном населенном пункте, степень религиозности и состояние здоровья. Акцентируем внимание на тех характерных особенностях, которые в той или иной степени отличают одиноких женщин с детьми по сравнению с матерями, воспитывающих детей в полной семье.

Демографические характеристики. Возрастной состав одиноких матерей несколько смещен в сторону старших возрастных групп, и средний возраст их на 2 года выше, что, в прочем, не удивительно, так как значительная часть из них уже имеет опыт развода и овдовения. Одинокие матери имеют несколько больший опыт создания брачно-партнерских союзов, если учитывать только тех из них, кто когда-либо жил с партнером. Однако в формировании полноценных браков одиноким матерям, определенно, везло меньше (не заключили ни одного брака – 28% против 8%). Не нужно забывать, что каждая десятая из них никогда не делила кров с мужчиной на протяжении 3-х месяцев и более. В результате совокупность

одиноких женщин с детьми менее однородна: в нее входят как женщины с опытом нескольких союзов, так и совсем не имеющие такого опыта. Понятно, что в совокупности матерей из полных семей последняя категория отсутствует. Среднее число когда-либо рожденных детей и число детей, проживающих в домохозяйстве, у одиноких матерей ниже. Так, на одинокую мать в среднем приходится 1,57 рождений, а на мать, имеющей партнера/супруга в домохозяйстве – 1,71, что является значимым различием, особенно принимая во внимание более высокий возраст у первых.

Социально-экономические характеристики. Женщины, воспитывающие детей без супругов, неизбежно должны демонстрировать более высокую экономическую активность, что и подтверждается нашими данными: среди одиноких матерей 76% работают вне дома за плату, а среди матерей, имеющих супруга – 64%. В возрасте 30-39 различия приобретают еще больший размах: 84% против 68%. В то же время у сорокалетних и пятидесятилетних женщин (когда дети подросли) различия в занятости нивелируются. Естественно было ожидать, что субъективная оценка уровня жизни, построенная на вопросе о степени трудности «сводить концы с концами», будет хуже у одиноких матерей, что и подтверждается нашим данными, повторяя результаты исследований, специально ориентированных на изучение уровня жизни в семьях разного типа [11]. Жилищная обеспеченность у одиноких матерей, замеренная числом комнат, также хуже, чем у замужних женщин с детьми. Таким образом, несмотря на повышенную трудовую активность одиноких матерей, заметно большую представленность родственников в их домохозяйствах и наличие у многих из них межсемейных поддерживающих трансфертов, одиноким матерям не удается полностью компенсировать недостаток второго дохода, который мог бы поступать от отца/супруга, проживающего в домохозяйстве.

Родительский дом и ценностные ориентации. Характерная особенность одиноких матерей – существенно большая распространенность среди них опыта сиротства. Логично предположить, что имеется определенная межпоколенная трансляция опыта матерей-одиночек. Возможность воспитания детей без отца доказывается жизненным опытом матерей наших респонденток. Опыт взросления в неполной семье каким-то образом, видимо, связан и с переосмыслением традиционных ценностей. Так, одинокие матери демонстрируют меньшую привязанность к традиционным ценностям в отношении брака и воспитания детей. Например, с утверждением «Брак-это устаревший вид отношений» согласны 18% матерей из неполных семей и 14% из полных. С тем, что «У однополых пар должны быть те же права, что и у пар разного пола» согласны, соответственно, 34% и 30%, а с утверждением «Это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться» согласились, соответственно, 64% и 53%. Кластерный анализ ответов на 12 различных ценностно-нормативных суждений позволил сгруппировать всех респонденток на три группы в зависимости от того, насколько они склонны демонстрировать традиционный

или современный взгляд на институт брака, семейную жизнь и воспитание детей. Сравнительный анализ двух групп матерей выявил в среднем более низкую приверженность к традиционным взглядам на институт брака и материнство среди женщин, не имеющих партнера в домохозяйстве. В то же время мы не склонны переоценивать «модернизированность» взглядов одиноких матерей. Во-первых, по большинству суждений, представленных респондентам для выражения согласия или несогласия, различия между двумя группами матерей небольшие и, зачастую, статистически незначимы. Во-вторых, легко предположить, что на характер различий в ответах замужних и незамужних матерей на вопросы, касающихся стереотипных суждений в отношении брака, семьи и материнства, сильное влияние будет оказывать личный опыт. К примеру, с тем, что «Для ребенка дошкольного возраста обычно плохо, если его мать работает», согласились 68% одиноких матерей и 67% матерей, проживающих с партнером, а с суждением «В случае развода для ребенка лучше остаться с матерью, чем с отцом», соответственно, 76% и 71%. Представляется очевидным отражение в высказываемых мнениях объективных трудностей, с которыми сталкивается одинокая мать, а также неготовность женщин, переживших развод или отказавших ребенку в отцовстве с момента его рождения, абстрагироваться от личной ситуации и предоставить право отцу воспитывать детей [14].

Одинокое материнство как динамическое состояние.

Для многих женщин одинокое материнство не перманентное, а временное состояние, точно так же, как никто из матерей, воспитывающих детей в полной семье, не застрахован от того, чтобы пополнить ряды одиноких матерей. Для многих женщин с детьми период проживания вне брачно-партнерских союзов может рассматриваться как стадия жизненного цикла или специфический этап семейной биографии. Более того, какая-то часть женщин повторно переходит в категорию одиноких матерей, а им противостоит встречный поток, создающих новые полные семьи. Со статистической точки зрения, одиноких матерей следует рассматривать как открытую совокупность с «входом» и «выходом», ширина которых – исторически меняющаяся величина. Динамизм смены брачных состояний и численность лиц, переходящих из одного состояния в другое, повысились за последние полвека во всех развитых странах, и Россия – не исключение [1, 7, 17]. Как было показано нами в предыдущих работах, возросла не только вероятность распада брачных союзов вследствие развода, но и вероятность вступления в повторные союзы [5, 6]. Причем средний интервал времени между прекращением первого союза и началом нового союза для женщин сокращался, и, что особенно важно, для женщин с детьми. Из анализа средней длительности пребывания в том или ином брачном состоянии для женщин репродуктивного возраста следует фундаментальный вывод – для российских женщин снижение суммарной длительности супружеской жизни в послевоенный период не произошло за счет возрастающей компенсирующей роли повторных союзов [6]. Именно в последней трети 20

века жизненные стратегии с множественной сменой брачных состояний теряют маргинально-девиантные черты и приобретают социально приемлемый, массовый характер [2, 12].

Произошедшие перемены иллюстрируют данные, характеризующие распределения представителей российских поколений, родившихся во второй половине 20-го века, в зависимости от опыта их воспитания в полной и неполной семье. В-первых, вдвое сократилась доля тех, кто провел все свое детство от рождения до 18 лет в неполной семье (с 11,4% до 5,7%), во-вторых, доля детей, воспитывавшихся только в полной семье, с некоторыми колебаниями, также имела тенденцию к сокращению: среди рожденных в 1950-х годах таковых было 65%, среди когорты 1980-х гг. – 58,7%. Однако самым впечатляющим является устойчивый тренд роста доли тех, кто в своем детстве имел опыт воспитания и в полной, и в неполной семье – 23,6% в когорте 1950-х и 35,6% в когорте 1980-х г.р.

Для женщин, родивших первого ребенка в партнерском союзе, вероятность того, что они будут и далее воспитывать их в полной семье составляет сегодня 0,69 (т.е. 31% первенцев, родившихся в полной семье, имеют шанс воспитываться в неполной семье). Для одинокой матери с момента рождения ребенка, вероятность того, что она обретет супруга и сохранит полную семью, составляет 0,22 ($0,35 \cdot 0,64$), т.е. в три раза ниже, поскольку она зависит от того, каковы шансы у матери найти себе партнера и от того, насколько этот союз для матери окажется прочным. Можно также показать, что 4,5% первенцев, рожденных в полной семье, дважды в своем детстве оказываются в ситуации «безотцовщины», и эта вероятность в три раза ниже, чем вероятность для ребенка, рожденного «без отца», обрести «отца» и вновь его потерять, равная 12,6%.

Дети первых очередностей, с одной стороны, категория наименее выигрышная в плане родиться без отца, с другой стороны – наиболее выигрышная с точки зрения того, что в дальнейшем у этих детей отец будет. Так, в 10% случаев первые дети рождаются вне партнерского союза, т.е. у этих детей отсутствует на момент их рождения отец. Соответственно, 90% детей при рождении имеют отца. Чтобы воспитываться в полной семье, одним детям нужно обрести отца, а другим его не потерять. В результате полная вероятность того, что, «взятый наугад», ребенок первой очередности в возрасте до 18 лет будет иметь опыт воспитания в полной семье равна 93,5% ($0,1 \cdot 0,35 + 0,9 = 0,935$), а вероятность того, что он далее не будет страдать от смены брачного состояния матери – 64,3% ($0,1 \cdot 0,35 \cdot 0,637 + 0,9 \cdot 0,69 = 0,643$). Стоит отметить, что здесь мы учитываем фактическое наличие отца, и нас не интересует, является ли этот ребенок ему родным или нет, зарегистрировал ли этот отец ребенка на себя или нет. Аналогичные расчеты для всех детей второй очередности дают следующий результат: опыт воспитания в полной семье имеют 95,0% и сохраняют его на оставшийся период детства до 18 лет – 71,1%. Для детей третьей очередности, соответственно, 98,3% и 72,5%. Итак, чем выше порядок рождения ребенка, тем у него больше шансов

воспитываться в полной семье. Правда, остается открытым извечный вопрос: союз между родителями прочнее оттого, что в семье больше детей, или, в семье больше детей, потому что устойчивее брачные отношения между родителями? Вероятнее всего, верно и то, и другое, а, кроме того, нельзя забывать и о скрытых факторах селективности индивидов, влияющих и на число детей, и на активность индивидов в создании и сохранении полноценной семьи, например выраженности семейных ориентаций, следовании социальным нормам.

Для получения полного описания одинокого материнства как динамического состояния не достаточно знать, с какой вероятностью женщины и их дети оказываются в такой ситуации и выходят из нее. Важно также иметь представление о средней длительности пребывания в данном состоянии, и об имеющихся тенденциях ее изменения. Рассмотрим ситуацию с длительностью проживания в полной и неполной семье с позиции ребенка. В конечном итоге именно меняющиеся условия социализации детей в различных типах семей находятся в центре внимания исследователей и политиков, озабоченных трансформацией брачных отношений [4].

Для ребенка, появившегося на свет в полной семье, средние значения длительности пребывания в полной и неполной семье изменились не столь уж значительно, как это можно было бы ожидать при более чем двукратном росте вероятности прекращения браков вследствие разводов. В поколениях, родившихся в 1950-х гг., длительность пребывания в полной семье составляла 16,5 лет (92% общего бюджета времени жизни ребенка от 0 до 18 лет), а в неполной семье – 1,5 года (8%). Для детей, родившихся тридцать лет спустя, соотношение стало 15,6 лет (87%) и 2,4 года (13%). Таким образом, хотя и имеется тенденция к увеличению средней длительности социализации детей в условиях неполной семьи вследствие роста разводимости, но она до последнего времени тормозилась противоположной тенденцией – существенным повышением вероятности для разведенной женщины вступить в повторный союз и сокращением периода временного одиночества.

Для ребенка, появившегося на свет в неполной семье, ситуация от поколения к поколению, напротив, улучшалась. Матери-одиночки во все возрастающей пропорции находили себе постоянных партнеров/супругов, и, причем, затрачивали на этот поиск все меньше времени. Так, для детей, родившихся у одиноких матерей в 1950-х гг., медианный возраст обретения «отца» составлял 3,1 года, а для родившихся в 1980-х гг. – 2,2 года. В результате ребенок из поколений 1950-х гг., родившийся у одинокой матери, проводил в среднем 13,6 лет в неполной семье (76% времени жизни от 0 до 18 лет) и 4,4 года в полной семье (24% бюджета времени), а ребенок 1980-х г.р. – 12,1 года в неполной семье (67%) и 5,9 года в полной (33%).

Для всех детей, взятых вместе безотносительно от того, родились ли они в полной или неполной семье, мы получили для кого-то, возможно, неожиданный результат. Для среднего представителя поколений, появившегося на свет в послевоенный период, никаких изменений в

соотношении долей времени, проведенных ребенком в полной и неполной семье, не произошло. В поколениях, родившихся в 1940-1980-х годах, от 14 до 15 лет (около 80% бюджета времени до 18 лет) приходилось на воспитание в полной семье и от 3 до 4 лет (20%) – в неполной семье. Противоположные тенденции, характерные для детей, родившихся в полной и неполной семье, взаимно компенсировали друг друга, устраняя перекосы, вызванные изменениями в вероятностях родиться в полной семье или у одинокой матери.

Итак, нет оснований говорить, что во второй половине 20-века в целом, или в последних его десятилетиях, мы являлись свидетелями существенных сдвигов в пользу увеличения длительности социализации ребенка в условиях неполной семьи. В то же время условия социализации детей становились сложнее и многообразнее за счет приобщения всё большего числа детей к опыту проживания с отчимом.

Общие выводы.

Широко распространенное мнение о неуклонном росте численности матерей-одиночек и числа неполных семей в России не подтверждается проведенным анализом. Направленность изменений неоднозначна, особенно в последние два десятилетия. В то же время незамужние женщины с детьми значимо представлены в структуре российских семей, ими воспитывается до четверти всех детей до 18 лет.

Абсолютные и относительные оценки распространенности одинокого материнства зависят от того, кого считать одинокой матерью, и от того, в какой степени практика статистического наблюдения позволяют их идентифицировать. Одиночество «одиноких матерей» не следует преувеличивать – каждая третья из них поддерживает интенсивные отношения с партнером, проживающим отдельно. Для значительной части женщин – это переходное состояние, которое для одних является положением, ведущим к окончательному разрыву отношений с прежним супругом, а для других - необходимым этапом создания/воссоздания полной семьи.

Одинокое материнство, рассматривая его с позиции жизненного цикла, есть высоко подвижное, динамическое состояние. В условиях современной России примерно каждая третья женщина, родившая первенца в полной семье, впоследствии имеет шанс воспитывать его какое-то время в неполной семье, а каждая третья женщина, ставшая одинокой матерью в момент рождения первенца, через какое-то время обретает опыт его воспитания в полной семье. Вероятность смены брачно-партнерского состояния неуклонно повышалась в поколениях, формировавших свои семьи в послевоенное время. В результате увеличивалась доля женщин, материнство которых протекало в условиях последовательной смены брачных партнеров, что равно означает относительный рост числа детей, которые на протяжении своего детства имели опыт социализации и в полной, и в неполной семье.

Нами были выявлены две противоположные тенденции в средней длительности воспитания (социализации) несовершеннолетних детей: а) для детей, рожденных в неполной семье, наблюдается устойчивый тренд повышения длительности социализации в полной семье в силу того, что росла доля одиноких матерей, сформировавших устойчивые союзы; б) для ребенка, рожденного в полной семье, тренд длительности социализации в условиях полной и неполной семьи был неустойчивым, но в целом тяготел к увеличению времени воспитания в неполной семье. В то же время результирующий вектор изменений для всех детей, безотносительно брачного статуса матерей в момент их появления на свет, не демонстрирует какой-либо направленности. Для всех послевоенных поколений средняя длительность социализации в условиях полной и неполной семьи поддерживалась примерно на одном и том же уровне. С позиции детей, главные изменения, происходившие в последние полвека в России, сводятся к увеличению вероятности и средней длительности социализации в семье с небιологическим отцом. Условия семейной социализации детей становятся многообразнее, и этот факт, должен привлечь пристальное внимание социологов, психологов и педагогов.

Библиография

1. Бретон Д., Попова Д., Приу Ф. (2010) Распад родительского союза во Франции и России: текущая ситуация и изменение вероятности наступления события для ребенка // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад. /Научн. ред.: С.В.Захаров, Л.М.Прокофьева, О.В.Синявская. М.: НИСΠ.
2. Гончарова Г.С., Савельев Л.Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири. Проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск: Издательство «Нонпарель».
3. Гурко Т.А. (2000) Вариативность представления в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. №11.
4. Дементьева И.Ф. (2001) Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. №11.
5. Захаров С.В. (1) (2007) Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. Том 15, №4.
6. Захаров С.В. (2) (2007) Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе /Научн. ред.: Т.М.Малева, О.В.Синявская. М.: НИСΠ.
7. Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. (1998) Российская семья на европейском фоне. М.: Эдиториал УРСС.
8. Калабахина И.Е. (2004) Гендерные вопросы в России в конце XX века. Фокус-групповое исследование в городской и сельской местности. М.: Акисфлат.

9. Киблицкая М.А. (1999) Исповеди одиноких матерей: социологический анализ стратегий выживания и нарушений прав одиноких матерей в переходной экономике с использованием этнографических методов. М.: Эслан.
10. Лунякова Л. (2004) «Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной»: социальный портрет материнских семей // Семейные узы: Модели для сборки /Сост. и редактор С.Ушакин. М: Новое литературное обозрение.
11. Малева Т.М., Овчарова Л.Н. (ред.) 2010 Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации. М.: Издательство «Дело»
12. Михеева А.Р. (2012) Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
13. Прокофьева Л., Фести П. (2008) Семейная солидарность уже не такая, как прежде: игра воображения или реальность?// Измерение, формы и факторы бедности. Сравнительный подход. Document de travail. Studies. INED, № 152.
14. Ренье-Луалье А., Валетас М., Корчагина И., Прокофьева Л., Баублите М., Станкуниене В. (2010) Дети после распада брака родителей во Франции, России и Литве: отличаются ли отношения детей с отцом и матерью? // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад. /Научн. ред.: С.В.Захаров, Л.М.Прокофьева, О.В.Синявская. М.: НИСИП.
15. Синельников А.Б. (2010) Типы семей и демографическая политика в России // Демографические исследования. №4. Онлайн издание. http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=418
16. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. (2004) Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. Т. 13. № 2.
17. González L. (2005) The Determinants of the Prevalence of Single Mothers: A Cross-Country Analysis. IZA Discussion Paper No. 1677, 2005 http://www.iza.org/en/webcontent/publications/papers/viewAbstract?dp_id=1677